

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопротивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фея Альп
Первые ласточки
Капризы юной леди
Мечта влюбленного мальчишки
Родовое поместье
Фата-Моргана

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Хочу «Оскар»!

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Фата-Моргана

МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Werner
FATA MORGANA

Перевод с немецкого *В. Кудряшова*

Художественное оформление *С. Власова*

Вернер, Элизабет.

В35 Фата-Моргана / Элизабет Вернер ; [пер. с нем. В. И. Кудряшова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-87590-0

Любви все возрасты покорны — именно так считает Лотарь, когда берет в жены юную Эльзу. Только пробудить в девушке чувство оказывается гораздо сложнее, ведь она видит в нем лишь друга. Но ради счастья возлюбленной он готов пойти на самые отчаянные поступки.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Кудряшов В.И., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87590-0

❧ Глава 1 ❧

Вот-вот должны были начаться скачки. И жокеи, и зрители с нетерпением ждали, когда дадут сигнал. За барьером теснилась плотная толпа, а на трибунах было не найти свободного места. Бурление стихий — картина, которую можно видеть на всяком европейском ипподроме, здесь, в другом конце мира, была в «оригинальной раме». В итоге знакомое действо казалось совершенно новым и особенно интересным, полным экзотического колорита.

На заднем плане этого живописного полотна длинной светлой, сверкающей полосой протянулся город — лабиринт улиц, дворцов и домов, над которым нависали многочисленные купола мечетей, стройные, изящные минареты и группы высоких пальм, а еще выше вздымались могучие башни цитадели. Вот таким был Каир, утопавший в жгучих лучах африканского солнца. А над ним раскинулся небесный свод такой густой, ослепительной синевы, какой не знает даже южная Европа.

В толпе за барьером скакового поля можно было встретить представителей всех народов и племен Востока. Она пестрела неповторимыми фигурами разодетых бедуинов в живописных, фантастических национальных костюмах, яркими, кричащими цветами, желтыми, коричневыми, черными лицами со жгучими

темными глазами, которые то устремлялись на всадников, собравшихся у старта, то обращались на трибуны.

Там под широким тентом собралась вся знать Каира, общество, пожалуй, не менее пестрое по составу, чем толпа внизу, у барьера. Рядом с представителями высших кругов туземного общества присутствовали иностранцы, живущие в городе, а вместе с ними сюда же устремился и широкий поток европейцев-туристов, привлеченных в Египет страстью к путешествиям или же необходимостью поправить свое здоровье. Здесь можно было встретить представителей всех наций, здесь царило смешение языков; северяне и южане слились в одну толпу; рядом с самыми роскошными, изысканными туалетами виднелись простые дорожные костюмы; и глаз, и ухо — все говорило о том, что находишься в одном из больших центров Востока, куда стекаются иностранцы.

Перед трибунами стояла группа мужчин, с жаром толковавших о предстоящих скачках; они горячо спорили об их предполагаемом исходе; очевидно, мнения разделялись. Наконец один из них, только что подошедший английский полковник, уверенно заявил:

— Я могу заранее предсказать исход, господа: первым придет Бернрид на своем Дарлинге.

«В самом деле?» — «Это — еще вопрос!» — «Вы считаете это вполне решенным делом?» — раздалось со всех сторон.

— Еще бы! Я знаю Дарлинга; он — превосходный скакун. Желал бы я только узнать, как умудрился Бернрид добыть эту великолепную лошадь. Я с удовольствием приобрел бы ее, но для меня цена была чересчур высока. Он купил ее неделю тому назад.

— Только едва ли заплатил, — вставил молодой офицер тоже в форме английской армии. — Этот не-

мецкий барон одарен грандиозным талантом всюду оставаться должным, хотя у него нигде больше нет кредита.

— В этом вы ошибаетесь, Гартлей, — возразил полковник. — В данном случае ему поверили, потому что Бернрид известен как лучший наездник, и если он поедет на Дарлинге, то почти не может быть сомнения, что выйдет победителем. Ведь большинство держит пари за Дарлинга. Вы тоже за него, лорд Марвуд?

Он обратился к господину, который стоял рядом, слушая, но не принимая участия в разговоре; он и теперь не счел нужным ответить, а только слегка утвердительно кивнул головой.

— Френсис, я думал, что ты будешь держать на Фаиду германского генерального консула, — сказал Гартлей. — Есть у нее шансы? Ты должен это знать, потому что часто бываешь у фон Осмара.

— Никаких, — соблаговолил наконец промолвить лорд Марвуд. — Фаида ни разу не участвовала в скачках и вообще еще недостаточно тренирована. Но мисс Зинаида непременно хотела видеть свою любимицу на скачках.

— И, несмотря на это, ты поставил не на Фаиду? — шутливо спросил молодой офицер. — Конечно, ты проиграл бы, но это никоим образом не унизило бы тебя в глазах дамы твоего сердца, а даже напротив.

По-видимому, шутка не понравилась молодому лорду, в ответ он не проронил ни звука.

Френсису Марвуду было лет под тридцать. Это был высокий, стройный мужчина с правильными чертами лица, безусловно, имевшими право считаться красивыми, со светлыми, несколько тусклыми глазами и густыми пепельными волосами — настоящий тип англичанина-аристократа. Его манера держаться, речь,

движения — все было холодно-чопорно и размеренно; внешность молодого человека могла бы быть очень привлекательной, если бы не холодная, высокомерная сдержанность, составлявшая отличительную черту его характера и ярко выделявшаяся даже в его обращении с соотечественниками и равными ему по происхождению людьми.

— Ну, едва ли какая-нибудь лошадь может соперничать с Дарлингом, — снова заговорил полковник. — Кто едет на Фаиде?

Лорд Марвуд пожал плечами и ответил пренебрежительным тоном:

— Совершенно неизвестная личность, совсем еще мальчишка, которого привел Зоннек и который, по всей вероятности, ничего не смыслит в верховой езде.

— Ах, тот молодой немец? — воскликнул Гартлей. — Как его зовут? Я забыл его фамилию. Во всяком случае это — красивый, смелый юноша, и, конечно, он умеет ездить, иначе Зоннек едва ли взял бы его с собой в экспедицию в Центральную Африку. Знаменитый исследователь Африки очень разборчив насчет своих спутников.

— Может быть, для экспедиции в пустыню он и годится, но нельзя же вводить в дом, подобный дому Осмара, первого встречного авантюриста. А этот человек едва ли представляет собой что-либо иное. Никто не знает, откуда он; можно ожидать самых неприятных разоблачений относительно него, но Зоннек, пользуясь своим влиянием и связями, не принимает во внимание никаких соображений.

Слова молодого лорда дышали невероятно оскорбительным высокомерием, но полковник сказал мягким тоном:

— Да, Зоннек — мастер настаивать на своем, а у Осмара это ему нетрудно... Ах, вот сигнал! Начинают.

Действительно, только что был подан сигнал к началу скачек. Всадники помчались во весь опор; разговоры смолкли, и глаза всех присутствующих устремились на ипподром, где началось состязание.

— Видите, господа, я прав, — горячо воскликнул полковник. — Бернрид возглавляет скачку, его Дарлинг впереди всех.

— А Фаида — последняя, — прибавил Марвуд с жесткой насмешкой. — Я так и думал. Правда, с таким наездником нельзя было и ждать ничего другого. Я не понимаю консула: как можно было доверить такую дорогую лошадь подобному человеку!

— Да, ездок действительно обещает немного, — согласился Гартлей. — Только бы он не довел благородного коня до падения, когда будет брать препятствия.

На лошадях ехали большей частью сами их владельцы, и благородные животные повиновались малейшему движению поводыев. Все участники скачек были превосходными наездниками, но они уже не мчались сомкнутым рядом; после первого препятствия поле представляло ровное место с мягкой почвой, и отставшие всеми силами старались наверстать упущенное. Картина с каждой минутой становилась все более оживленной. Впереди всех шла английская рыжая лошадь, великолепное животное, очевидно, вполне уверенное в своем превосходстве. Она первой взяла препятствие и мчалась дальше растянутым галопом, далеко оставив за собой остальных. На нее с самого начала были обращены глаза зрителей, и всадника приветствовали громкими криками. Это был человек лет тридцати с резкими чертами лица, имевшими суровое, мрачное выражение; правда, теперь на его губах играла легкая торжествующая улыбка. Бернрид, по-

лагаясь на быстроту бега лошади, был, по-видимому, вполне уверен в своей победе.

В эту минуту самый последний из оставших внезапно полетел вперед с такой молниеносной скоростью, что обратил на себя всеобщее внимание. Он за короткое время догнал товарищей, потом одного за другим опередил их. Вот он легко и уверенно, без малейшего напряжения взял препятствие и помчался дальше, за ведущим скачку всадником; расстояние между ними быстро сокращалось.

Бернрид оглянулся и бросил полуудивленный, полугневный взгляд на неожиданного соперника. Это был еще очень молодой человек, которого до сих пор никто не удостоивал вниманием. Он сидел в седле так, точно прирос к нему. Лошадь, на которой он ехал, казалась почти маленькой по сравнению с рыжим гигантом Дарлингом, но была, несомненно, чистейшей породы: ее стройное сложение и маленькая головка с большими умными глазами выказывали арабскую кровь. Вот она очутилась совсем у крупа Дарлинга; еще одно быстрое, как молния, движение вперед, и обе лошади пошли рядом.

Борьба становилась серьезной. Бернриду довольно было одного взгляда, чтобы понять, что соперник равен ему по умению, что он преднамеренно берег свою лошадь и держался позади, чтобы теперь показать всю ее силу. Точно молния промелькнула по лицу Бернрида, на лбу образовалась грозная складка. Дарлинг почувствовал шпоры и напряг все силы, но напрасно — арабская лошадь не отставала, и они бок о бок взяли следующее препятствие.

Первоначальный интерес зрителей к поразительному обороту, который принимали скачки, уже давно превратился в страстное участие. На других всадников

уже почти не обращали внимания; смотрели только на этих двоих, ожесточенно оспаривавших друг у друга победу. Все остальные отошли на задний план перед этим состязанием между всадником, признаваемым первым в кругу каирских спортсменов, и молодым иностранцем, которого почти никто не знал. Но именно эта неожиданность, невероятная скорость, с которой он появился, доставили ему симпатии толпы — и аристократии на трибунах, и простонародья внизу; по мере продвижения его провожали бурными приветствиями.

Очевидно, Бернрид чувствовал, к кому относились приветствия, и не мог примириться с мыслью о возможности поражения. Его лицо побагровело, каждая жилка в нем дрожала от дикого возбуждения, и это возбуждение грозило стать для него роковым: вместе с самообладанием он утратил и власть над лошастью. Два всадника вихрем неслись вперед — Дарлинг мчался длинными, мощными прыжками, а рядом с ним легко, как птица, едва касаясь земли своими изящными копытами, летела Фаида.

Наконец арабская лошадь опередила; рыжая отстала сначала на длину головы, потом больше, больше; она явно начинала уставать. Если Фаиде удастся первой взять последнее препятствие, победа будет предрешена...

Вероятно, эта мысль лишила Бернрида последних остатков рассудка и самообладания. Побледнев как полотно, стиснув зубы и напрягая каждый мускул, он, как безумный, хлестнул свою лошадь. С удил Дарлинга бежала пена, его бока трепетали, но он повиновался: сделал последнее отчаянное усилие и нагнал Фаиду; оба коня почти одновременно приготовились к прыжку.

Широким, мощным прыжком Фаида перелетела через барьер. Глухой крик, раздавшийся в то же мгно-

вание, потонул в громе восторженных приветствий, которыми зрители встретили безумно смелый наезднический кунштюк¹, и всадник помчался дальше к цели, к победе, которой никто уже у него не оспаривал.

Никто! Дарлинг, всего несколькими секундами позднее собравшийся взять препятствие, упал на нем. Он грохнулся поперек плетня, а его владелец, выброшенный из седла, лежал в нескольких шагах на земле без движения. Его быстро подняли, унесли с ипподрома и сдали на руки врачу. Продолжению скачек это не помешало; к подобным несчастным случаям всегда надо быть готовым.

Бурные крики встретили победителя, подошедшего к столбу; его со всех сторон осыпали похвалами и изъявлениями восторга, а дамы на трибунах махали платками. Победа была действительно блистательна: другие наездники пришли к цели лишь много секунд спустя.

Молодой наездник Фаиды — ему было самое большее двадцать три, двадцать четыре года — снял фуражку и раскланялся. Он был стройным и, несомненно, обладал силой; его лоб обрамляли густые вьющиеся белокурые волосы; слегка загорелое лицо не отличалось красотой, но в его неправильных чертах было что-то особенное, привлекавшее к себе внимание; темные огненные глаза сверкали веселым задором и гордой самоуверенностью. Теперь, когда он кланялся на все стороны, раскрасневшись от бешеной езды, сияя торжеством победы, он казался олицетворением бурной молодости во всей ее силе и красоте.

Он поклонился в сторону трибуны, из переднего ряда которой ему усердно махали пожилой господин и

¹ К у н ш т ю к — ловкий прием, фокус, трюк (*нем.*).

молодая дама. Первый быстро встал с места и пошел навстречу победителю.

— Вы действительно одержали победу в честном поединке! — воскликнул он, полный радостного волнения. — Благодарю вас, господин Эрвальд! Меня со всех сторон осыпают поздравлениями... Нет, господа, вам следует обратиться с ними вот к этому молодому наезднику; Фаида обязана победой единственно ему.

Он говорил по-немецки и с последними словами обратился к нескольким мужчинам, которые шли за ним и окружили молодого человека, поздравляя его.

— А ведь вы не ожидали, что мы с Фаидой победим, господин консул, — со смехом сказал Эрвальд, спрыгивая с седла на площадке перед весами. — Вы серьезно боялись поражения и пожали плечами, когда я вызвался за неделю выехать вашу лошадь для скачек.

— Если бы я видел образчики вашего искусства в верховой езде, то, конечно, был бы увереннее, — ответил консул, пожилой человек аристократической внешности. — В данном случае вышел очень приятный сюрприз. Идите же к моей дочери! Зинаида хочет видеть Фаиду; она чрезвычайно гордится ее победой.

Фон Осмар дружески махнул победителю рукой и обратился к двум подошедшим англичанам, тогда как Эрвальд, сдержанно поклонившись им, взял лошадь под уздцы и повел ее к трибунам.

— Фаида желает получить благодарность от своей хозяйки, — сказал он, слегка кланяясь молодой девушке, которая протягивала руку к лошади, чтобы поласкать ее.

Фаида наклонила красивую головку и тихонько заржала, точно понимала, что заслужила ласку.

— А наездник? Он не нуждается в благодарности за смелую езду? — улыбаясь, спросила девушка.

— Напротив, мне следует благодарить вас, — возразил Эрвальд. — Не заступись вы за меня, мне не доверили бы Фаиды. Ваш батюшка сначала был решительно против этого и сдался только на вашу просьбу.

— Смейтесь-смейтесь! Вы одержали блистательную победу над всеми, кто сомневался в вас, и над бедным Бернридом. Надеюсь, его падение не будет иметь опасных последствий?

— Надеюсь, что нет. Я уже справлялся, но лорд Марвуд, к которому я обратился с вопросом, не соблаговолил мне ответить. Правда, я никогда не был в милости у лорда, но, с тех пор как он убедился, что я держусь в седле до известной степени порядочно, удостоил меня уже полной немилости. Я в отчаянии!

Слова молодого человека дышали веселой насмешкой, а в его движениях, когда он вплотную подошел к трибуне и положил руку на барьер, была заметна некоторая преднамеренность: он прекрасно видел, что лорд Марвуд, в отдалении разговаривая с консулом, наблюдает за ним и за молодой девушкой.

Зинаиде фон Осмар было около двадцати лет. Это была стройная, хрупкая девушка, одаренная жгучей экзотической красотой страны, в которой родилась. Черные волосы, причесанные гладко и свернутые на затылке греческим узлом, имели синеватый оттенок; глаза были бархатистые, очень темные, какие бывают только у детей юга; взгляд был кроток и мечтателен, но в нем таился страстный огонек; лицо казалось немножко бледным; ему недоставало свежего румянца, но его мягкие, нежные черты были полны чарующей прелести. Даже не будучи дочерью одного из самых богатых людей в Каире, молодая девушка все же привлекала бы к себе внимание.

Вероятно, так думал и лорд Марвуд, не сводивший с нее глаз. Он, очевидно, не постигал, как смеет «мальчишка» так фамильярно болтать с дочерью консула. Что касается Осмара, то тот как будто не замечал этого; в это время он разговаривал с двумя английскими офицерами о Бернриде.

— Кажется, он еще довольно счастливо отделался, — сказал консул. — Насколько я слышал, он не особенно расшибся. А Дарлинг в самом деле погиб?

— К сожалению, да, — подтвердил полковник. — Задняя нога сломана. Жаль, но Бернрид шпорил его, как безумный. Сам виноват, что погубил такую чудесную лошадь, потеря которой для него равносильна разорению.

— Он во что бы то ни стало хотел победить, — сказал Гартлей. — А Эрвальд ведь сражался не на жизнь, а на смерть. Кто, собственно, этот господин?

— Молодой немец, желающий попытать счастья в огромном Божьем мире, — весело ответил Осмар. — Я и сам больше ничего о нем не знаю. Его привез с собой из Германии Зоннек; он берет его в экспедицию в Центральную Африку. Эрвальд понравился мне с первого взгляда. Славный, умный юноша: от него так и веет силой и жизнью.

— Да, такие люди нужны Зоннеку, — сказал полковник. — В чем другом, а уж в смелости у этого Эрвальда нет недостатка. Как дивно, безумно смело взял он последнее препятствие!

Имя Эрвальда, которое эти господа прежде никак не могли припомнить, теперь весьма бегло сходило с их языка, ведь в последнюю четверть часа оно облетело толпу, переходя из уст в уста со скоростью огня, бегущего по зажигательному шнуру; неизвестный молодой иностранец вдруг выдвинулся на первый план.